

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 14 (500) 20 июля 1934 г. (17-й год пролетарской революции)

ИЗ ЖИЗНИ А. П. ЧЕХОВА

Гимназия. «Антон Павлович Чехов прошел сквозь таганрогскую гимназию, никем не замеченный. «Был хороший ученик, но особенно не выдавался», — сказано у Филевского. Впрочем, дальше следует: «На окончательном экзамене Стефановский (учитель словесности) обратил внимание педагогического совета на необыкновенную литературную отделку и смысл сочинения ученика Антона Чехова... Не знаю, быть может это и правда»... (Тай. «На родине Чехова»). **Студенческие годы.** «В августе 1879 г. Антон Павлович приехал в Москву поступать в университет... Тогда Павел Егорович, после долгих мытарств, нашел себе, наконец, место по письменной части в амбаре купца И. Е. Гаврилова и получал по 40 рублей в месяц, которых далеко не хватало. Сам Павел Егорович (отец А. П.) жил у этого купца за Москвой-рекой, каждое утро вместе с другими рабами-приказчиками выходил на работу в «город», в Теплые ряды и возвращался обратно только поздно вечером... Антону Павловичу волею судеб пришлось сразу же, с первого дня своего приезда в Москву, стать во главе семьи. Началась совместная работа по поднятию материального положения... Работали все, кто как мог и умел. В ту же зиму Антон Павлович написал в «Стрекозе» свой первый рассказ «Письмо к ученому соседу». Я помню, с каким нетерпением он ожидал в «Почтовом ящике» этого журнала ответ редактора его И. Василевского-Буквы. И ответ этот скоро был напечатан: «Совсем недурно, благодушие и на дальнейшее сподвижничество». С этого и началась литературная карьера Антона Чехова...» (Мих. Павл. Чехов «Ант. Чехов и его сюжеты»). ...«В последние три года студенчества Чехов писал необычайно много и своим заработком служил главной опорой для своей небогатой семьи. Как много писал в это время Чехов, видно из слов его брата Ивана Павловича, который рассказывал мне, что только в Петербург Чехову нужно было еженедельно отправлять к каждому понедельнику по рассказу, не говоря уже о других работах. Несмотря на это, Чехов однако и в это время медицины не бросал, аккуратно посещал лекции и клиники... Товарищ он был хороший, общестуденческой жизнью очень интересовался, часто ходил на собрания и сходки (время тогда — начало 80-х годов — было весьма бурное для студенчества), но активного участия в общественной и политической жизни студенчества не принимал и был всецело захвачен литературными интересами... Товарищи его в это время мало знали и обратили лишь на него внимание, когда узнали, что он «пописывает»... (М. Членов. «А. П. Чехов и медицина»). **Цензура.** «Погром на «Осколки» действовал на меня, как удар оухом... С одной стороны, трудов своих жалко, с другой, как-то душно, жутко... Конечно, вы правы: лучше сократиться и жевать мочалу, чем с риском для журнала хлестать плетью по обуху. Придется подождать, потерпеть... Но думаю, что придется сокращаться бесконечно. Что дозволено сегодня, из-за того придется съездить в комитет завтра, и близко время, когда даже чин «купец» станет недопустимым фруктом. Да, непрочный кусок хлеба дает литература, и умно вы сделали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось...» (А. П. Чехов—

Н. А. Лейкину, Москва, 1885). «**Антон Чехов.**... «Рукописей я не перебеваю. Чаще всего я отсылаю черновики, перебеваю же только для «Осколков» и то иногда, когда казается мне, что начало рассказа длинно, когда во время письма явится желание изменить что-нибудь in corpore. Я пишу обыкновенно наотмашь...» (А. П. Чехов— Н. А. Лейкину. Москва, 1885). **Кри-**

А. П. Чехов

тика. «Про мою книгу заговорили толстые журналы. «Новь» выругала и мои рассказы назвала бредом сумасшедшего, «Русская мысль» похвалила, «Северный вестник» изобразил мою будущую плачевную судьбу, на 2-й странице, впрочем, похвалил... (А. П. Чехов— Н. А. Лейкину). **В. Короленко о Чехове.** «В те годы (1887. Ред.) семья Чеховых жила на Садовой, в Кудрине, в небольшом красном уютном домике... Внизу меня встретили сестра Чехова и младший брат, Михаил Павлович, тогда еще студент. А через несколько минут по лестнице сверху спустился и Антон Павлович. Передо мною был молодой и еще более моложавый на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом, не утратившим еще характерных юношеских очертаний... Простота всех движений, приемов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писанинах. Вообще в это первое свидание Чехов произвел на меня впечатление человека глубоко жизнеутраченного. Казалось, из глаз его струится неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья, которым переполнены его рассказы. И вместе угадывалось что-то более глубокое, чему предстоит еще развернуться и развиться в хорошую сторону. Общее впечатление было цельное и обаятельное, несмотря на то, что я сочувствовал далеко не всему, что было написано Чеховым... Мне Чехов казался молодым дубком, пускающим ростки в разные стороны, еще коряво и порой бесформенно, но в котором уже угадывается крепость и цельная красота будущего могучего роста» («Ант. Павл. Чехов», Полн. собр. соч.). **Пушкинская премия.**

«Получил я известие, что Академия наук присудила мне Пушкинскую премию в 500 рублей. Это, должно быть, известно уже вам из газетных телеграмм. Официально объявят об этом 19 октября в публичном заседании Академии, с подобающей случаю классической торжественностью. Это, должно быть, за то, что я раков ловил. Премия, телеграммы, поздравления, приятели, актеры, актрисы, пьесы — все это выбило меня из колеи. Прошлое туманится в голове, я ошалел; типа и чертовщина городской, литературской суесть охватывают меня, как спрут-осминог. Все пропало: прощай лето, прощайте раки, островные челноки, прощай моя лень, прощай голубенький костюмчик... Если когда-нибудь страстная любовь выбивала вас из прошлого и настоящего, то тоже самое почти и чувствую теперь. Ах, чехово все это, доктор, нехорошо» (А. П. Чехов— Е. М. Липтваревой. Москва, 1888). **Поездка на Сахалин (1890).** «Поездка была задумана совершенно случайно. И только что окончил тогда курс на юридическом факультете и готовился к государственному экзамену... Часто Антон Павлович брал у меня мои лекции и читал их, лежа на кровати. Как-то, прочитавши уголовное право, он сказал мне: «Все наше внимание к преступнику сосредоточено на нем только до момента произнесения над ним приговора, а как сошлют на каторгу, так о нем все и позабудут. А что делается на каторге? Воображаю». И в один из дней он быстро, нервно засобиравшись вдруг на Сахалин, так что в первое время трудно было понять, серьезно ли он говорит об этом, или шутит. Начались подготовительные работы к поездке. Ему не хотелось ехать на Сахалин с пустыми руками, и он стал собирать материалы. Он окружил себя книгами, стал изучать уголовный процесс и депортацию, сестра и знакомые девушки делали для него выписки из редких книг в Румянцевском музее, мы переводили известные путешествия... Работа кипела...» (Мих. Павл. Чехов). «**Чайка**» в Александринском театре (1894). «На четвертую репетицию приехал в театр Антон Павлович Чехов. Антон Павлович, аккуратно приходил каждый день в театр с И. Н. Потанин, принимал самое деятельное участие в репетициях. Он, видимо, очень волновался, хотя и не хотел этого показывать. То и дело он вставал с своего кресла у суфлерской будки, уходил за кулисы и беседовал то с тем, то с другим из артистов. Чехова коробил всякий фальшивый звук актера, затрепанная, казенная интонация. Несмотря на свою стыдливую деликатность, он нередко останавливал среди сцены актеров и объяснял им значения той или иной фразы, толковал характеры, как они ему представляются, и все время твердил: «Главное, голубчики, не надо театральности... Просто все надо... Совсем просто... Они все простые, заурядные люди...» В зрительном зале на генеральной репетиции сидела почти вся драматическая труппа, театральные чиновники и их родственники. Антон Павлович в одном из антрактов обвел глазами сидящую публику и как бы про себя спокойно проговорил: «Пьеса не понравится... Она не захватывает...» «Что за пустяки... Почему вы так думаете?» — протестовал я. «А вы посмотрите на выражение лиц у публики... Она скучает... Им неинтересно...» (Евгений Карпов. «История

первого представления «Чайки»). Как работал Чехов. «Когда он принимался за литературную работу, он исчезал на ряд дней из нашего кругозора. Писал он далеко не ежедневно... Рассказ и повесть требовали от него усидчивой работы, нередко в продолжение недели. Тогда он не спускался даже к табльдоту. И когда появлялся снова в нашем обществе, мы не без грусти отмечали перемену в его лице. Он бледнел и казался худее прежнего. И во время совместных прогулок он часто смолкал, как бы озабоченный какими-то мыслями. В это время он, по всей вероятности, обдумывал заглавием им рассказ... (Максим Ковалевский. «Об А. П. Чехове»). «Наступила весна... Перебрался на север и Антон Павлович. Он поместился в маленькой квартире своей сестры на Малой Дмитровке. Самый простой стол посреди комнаты, такая же чернильница, перо, карандаш, мягкий диван, несколько стульев, чехмеда с книгами и записками, словом, только необходимое и ничего лишнего — это была обычная обстановка его импровизированного кабинета во время путешествия... Скоро на письменном столе появились тоненькие тетрадки. Их было очень много. Антон Павлович был занят в то время корректурой своих мелких, забытых им рассказов самой ранней эпохи. Он готовил своему издателю Марксу новый выпуск мелких рассказов. Знакомая с ними вновь, он добродушно хохотал... Рядом с его комнатой часто шумел самовар, а вокруг чайного стола, точно калейдоскоп, сменялись посетители. Одни приходили, другие уходили. Здесь часто и долго сиял покойный художник Левитан, поэт Бунин, Владимир Иванович Немирович-Данченко, артист нашего театра Вишневский, Судлер-Жидицкий и многие другие...» (К. С. Станиславский. «Из воспоминаний»). Уход из Академии наук. «Дорогой Владимир Галактионович, где вы? Дома ли? Как бы то ни было, адресую это письмо в Полтаву. Вот что я написал в Академию. «В. И. В. В декабре прошлого года я получил извещение об избрании А. М. Пешкова в почётные академики; и я не замедлил поблагодарить с А. М. Пешковым, который тогда находился в Крыму, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его. Затем, немного погодя, в газетах было напечатано, что в виду признания Пешкова к должности по 1935 ст. выборы признаются действительными, причем было точно указано, что извещение исходит от Академии наук, а так как я состою почётным академиком, то это извещение частью исходило от меня. Я поздравлял сердечно и я же признал выборы действительными, — такое противоречие не укладывалось в моем самосознании, примирить с ним мою совесть я не мог. Знакомство с 1935 ст. ничего не объяснило мне. И после долгого размышления я мог прийти только к одному решению, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, покорнейше просить В. И. В. о сложении с меня звания почётного академика». Вот вам. Сочинял долго, в очень жаркую погоду и лучше сочинить не мог ни, вероятно, не могу...» (А. П. Чехов — В. Г. Короленко. Ялта, 1902 г.). Чехов о писателях и критиках. «Критики похожи на слепых, которые мешают лошадям пахать землю, — говорил он, усмекаясь своей умной усмеш-

кой. — Лошадь работает, все мускулы натянута, как струны на контрабасе, а тут на крупе садится слепень и щекочет и жуужжит. Нужно встряхивать кожей и махать хвостом. О чем он жуужжит? Едва ли ему понятно это, просто — характер у него беспокойный и заявить о себе хочется, — мол, тоже на земле живу. Вот видите, — могу даже жуужжать, обо всем могу жуужжать. Я двадцать пять лет читаю критики на мои рассказы, и ни одного ценного указания не помню, ни одного доброго совета не слышал. Только однажды Скабичевский произвел на меня впечатление, он написал, что я умру в пьяном виде под забором» (М. Горький. «А. П. Чехов... «Поворот идет». Живя в Москве, в июне 1902 года, я как-то зашел к В. Ф. Коммисаржевской, которая в это лето играла со своей труппой в театре «Аквариум». Поговорив о театральных делах, я уже собирался уходить, как пришел Антон Павлович... Он вошел, тяжело дыша, слышим, прерывающимся голосом сказал: «здравствуйте». Пожав нам руки, он тяжело опустился на диван... На худом, серовато-бледном лице — болезненная усталость... Губы бескровные, синие. Глаза уныло смотрят в одну точку. В бороде — серебристые нити седины... Что это вы, Антон Павлович, торчите в такое время в Москве? Жара, духота, пыль... — пенально вырывается у меня вопрос. «Да вот никак не могу уехать из Москвы... То жена была больна... то все какие-то дела... Каждый день собираюсь уезжать, да все что-нибудь задерживает...» «Написали что-нибудь для театра?» — спросила Вера Федоровна. «Да, пишу...» — нехотя, конфузливо улыбаясь, ответил Антон Павлович. — Пишу не то, что надо... Не то, что хотелось бы писать... Нудно выходит... Совсем не то теперь надо...» «А что же?» — «Совсем другое надо... Бодрое... Сильное... Пережил мы серую канитель... Поворот идет... Круто повернули...» «Разве пережили? Что-то непохоже...» — усомнился я. «Пережили... уверю вас...» — убежденно сказал Антон Павлович. — Здесь в Москве, да и вообще в столицах, это не так заметно. У нас на юге волна сильно бьет... В паре сильное брожение... Я недавно беседовал с Львом Николаевичем... И он то же видит... А он старец прозорливый... Гудит, как улей, Россия... Вот вы посмотрите, что будет года через два три... Не узнаете Россию...» Антон Павлович оживился, встал с дивана и, заложив одну руку в карман, стал ходить по комнате. «Вот мне хотелось бы поймать это бодрое настроение... Написать пьесу... Бодрую пьесу... Может быть, и напишу... Очень интересно... Сколько силы, энергии, веры в народе... Прямо удивительно!» Антон Павлович передал свои наблюдения из жизни крестьян и рабочих. Голос его зазвучал громче и увереннее. Глаза загорелись.

А. П. Чехов и А. М. Горький в Ялте (1900 г.)

лись нервным огнем. Вся фигура помолодела... Никогда не видел я таким Антоном Павловича, никогда не слышал от него таких горячих речей... (Евгений Карпов. «Две последние встречи с Ант. Павл. Чеховым»). «Винный сад». «Осенью 1903 года Антон Павлович Чехов приехал в Москву совершенно больным. Это, однако, не помешало ему присутствовать почти на всех репетициях его новой пьесы... Как раньше, так и на этот раз, во время репетиций «Винного сада» приходилось точно клещами вытягивать из Антоны Павловича замечания и советы, касавшиеся его пьесы. Его ответы походили на ребусы, и надо было их разгадывать, так как Чехов убежал, чтобы спастись от приставания режиссеров... Как мы ни старались пересадить его к режиссерскому столу, ничего не выходило... «Я все уже написал, — говорил он тогда, — я же не режиссер, я — доктор...» (К. С. Станиславский). Последние дни. «Я все еще в постели, ни разу не одевался, не выходил, и все в том же положении, в каком был, когда ты уезжала. Третьего дня ни с того, ни с сего меня хватил плевролит, теперь все благополучно. Как бы там ни было, на 2-е июня заказаны билеты, мы уезжаем в Берлин, потом в Шварцвальд. Дышать я стал лучше, отдышка слабее...» (А. П. Чехов — М. П. Чеховой). «Проходит перед глазами бесчисленная вереница рабов и рабынь своей любви, своей глупости и лени, своей жадности к благам земли; идут рабы темного страха перед жизнью... Мимо всей этой скучной, серой толпы бессильных людей прошел большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрека, с безнадежной тоской на лице и в груди, красивым и искренним голосом сказал: — Скверно вы живете, господа!» (А. М. Горький).

В. И. В. — ваше императорское высочество. Обращение к президенту Академии Константину Романову.